

— Э-э, я... я не очень уверен, брат Лин, ты только не злился, когда услышишь.

— Говори!

— Кажется... кажется, это Ци Ян!

— ...

— С тех пор как ты уехал, он целыми днями липнет к брату Каю в тренажерном зале. Я не знаю, как они познакомились, но... но ты же знаешь, он всегда любил отбирать у тебя твои вещи...

Ци Ян? Ци Ян!

Чжу Лин едва не раздавил телефон прямо посреди улицы.

Что за шутки? Он ни за что не позволит кому бы то ни было отнять у него его человека, его Медвежонка.

К тому же, даже если кто-то и захочет его отбить, соперником может быть кто угодно — кто угодно, только не Ци Ян, только не он!

Автор хочет сказать:

Ха-ха, в эти дни главки и правда коротковаты, эх, потом немного подправлю и отшлифую текст.

Помощь бедному району действительно отнимает кучу времени, плачу навзрыд.

Чжу Лин: Только не Ци Ян!

Ду-ду: А как же я?

Чжу Лин: !?!?

Шэнь Цянь когда-то слышал одну фразу: «Невежественные люди всегда бессердечны, ибо суть невежества и есть бессердечность».

Он считал, что Е Инь как раз из этой категории.

И потому её постоянные придирки и бессердечие по отношению к Ли Вэйду обретали вполне логичное теоретическое обоснование.

...

— Сяо Е, ну всё-всё, хватит плакать. Смотри, разве ты уже не можешь вернуться домой? Директор Ли внесет за тебя залог, и мы сразу пойдём. Знаю, тебе пришлось несладко, но испортишь глаза от слез — ничего хорошего.

Чтобы вытащить Е Инь в эти дни, Шэнь Цянь обегал кучу народу и поднял все свои связи.

Но тех, кто действительно мог оказать реальную помощь, оказались единицы.

Залог составлял три миллиона. Ни у него, ни у Е Инь не было таких сбережений. У Чжу Лина деньги наверняка водились, но Е Инь ни за что не разрешала обращаться к нему.

...

В тот день Е Инь отправилась встречать Чжу Лина в аэропорту с охапкой красных роз. На глазах у множества вспышек и журналистов Чжу Лин погладил её по голове и принял цветы.

Однако когда машина въехала в тихий уголок жилого комплекса, он с обеспокоенным видом наконец высказал свои истинные намерения.

— Я искренне благодарен тебе за то, что ты так долго молча ждала меня. Только что на нас смотрело столько людей, поэтому я просто не мог не оказать тебе уважение.

— Но, Сяо Инь, правда, прости... я всё же хочу сохранить свой дом. Я хочу попробовать сделать всё возможное, чтобы брат Кай простил меня.

Е Инь была невероятно подавлена. С тех пор она словно встала в позу перед Чжу Лином и наотрез отказывалась полагаться на него.

В итоге ей не оставалось ничего иного, кроме как обратиться к своему бывшему — Ли Вэйду.

— ...Однако прости, эти деньги я не намерена одалживать тебе просто так.

Услышав эти слова, Шэнь Цянь поначалу решил, что перед ним разворачивается классический сюжет из любовного романа.

Богатый наследник выкупает попавшую в беду бедную девушку и с чистой совестью требует расплатиться телом. С этого момента упрямая маленькая канарейка против своей воли оказывается заперта в золотой клетке у своего покровителя, а после мучительных любовных терзаний они понимают, что это настоящая любовь, и живут долго и счастливо.

...

Однако он явно недооценил мужчину, на которого положил глаз бывший.

Длинные тонкие пальцы неосознанно поглаживали черную карту. Сегодня Ли Вэйду не стал зачесывать волосы назад, как обычно, а опустил челку и надел очки в черной оправе.

Весь его вид казался необычайно молодым и юным, что, напротив, придавало ему утонченный и мягкий шарм.

— Залог в три миллиона. Е Инь, я хочу вернуть себе кое-что.

Правда, это звучало до того похоже на шаблонный сценарий о властном боссе.

Даже Е Инь, казалось, уже приготовилась сыграть роль «покорённой кроткой женушки»: в её глазах стояла пелена слез, а губы были надуты — не то от злости, не то от капризности.

— Раньше я говорил, что хочу заботиться о тебе всю жизнь.

— ...

— Теперь я хочу забрать эти слова обратно.

— Позволь мне забрать их назад. Иначе я не смогу одолжить тебе эти три миллиона.

Во всем следственном изоляторе в один миг воцарилась мертвая тишина.

Лишь хаотично танцующие в солнечных лучах пылинки мерцали и искрились, подпрыгивая вверх и вниз.

Сердце Шэнь Цяня заколотилось от такого неожиданного поворота.

На самом деле он не слишком хорошо знал Ли Вэйду.

Однако по некоторым эпизодам из школьных времен, а также по многолетним жалобам Е Инь он мог примерно составить представление о том, какими невероятно серьезными, упрямыми и странными чертами характера обладал этот человек.

Судя по всему, он и впрямь был не-ве-ро-ят-но серьезен!

Когда он любил и желал защищать тебя всю жизнь, он выкладывался сильнее и отчаяннее всех.

А когда разлюбил и захотел вернуть всё назад, то сделал это безупречно, осмотрительно и предельно четко.

...

По уразумению Шэнь Цяня, зная Е Инь, эти слова не должны были её особо тронуть.

Но, к его удивлению, едва прозвучала эта фраза, слезы Е Инь хлынули градом, словно оборвавшаяся нить жемчуга.

Мать Е, ожидавшая рядом с крайним нетерпением, несколько раз толкнула её:

— Сяо Инь, ты... ты скорее соглашайся!

Е Инь покачала головой и с досадой вытерла слезы тыльной стороной ладони. В её покрасневших глазах медленно проступила свирепость, которую Шэнь Цянь едва ли мог понять.

...Что за дела?

Мать Е тоже растерялась:

— Сяо Инь, вы же давно расстались, это просто одна фраза! Ты сначала согласишься! Или ты хочешь помириться с Вэйду? Если хочешь помириться, скорее попроси его! Если стесняешься сказать сама, то мама скажет за тебя...

«Только сейчас подумала о примирении? Похоже, уже слишком поздно», — мысленно рассудил Шэнь Цянь.

Хотя теперь ясно, что его «защитный зонт» велик, надежен и прочен, под ним уже стоит бывший муженек. Где уж тут найти место для тебя?

Впрочем, то, что Сяо Е наконец одумалась, пройдя через всё это, пожалуй, тоже неплохо.

Однако Шэнь Цянь всё же переоценил Е Инь.

— Не хочешь одалживать — и не надо! Кому нужны твои три миллиона? Ли Вэйдун, я еще давным-давно говорила: мне не нужна твоя милостыня!

— ...

«Эй-эй. Сяо Е! Хотя эти слова и звучат чертовски твердо и гордо, но ты бы хоть сначала посмотрела на свое положение! Сейчас точно не время храбриться, корчить из себя стойкую травинку и заявлять, что не принимаешь подачек властного босса! Неужели ты хочешь и дальше торчать в следственном изоляторе, чтобы всякие хулиганы и наркоманы распускали руки? С твоей-то нежной кожей, если останешься тут, то честное слово...»

Однако Е Инь будто одержимая стала. Она впала в состояние крайнего возбуждения, её щеки густо покраснели.

— С самого начала так и было! Ли Вэйдун, ты всегда относился ко мне как к домашнему питомцу — подавал милостыню и контролировал. Ты вообще презираешь меня!

— ...

— Но ведь я человек, а не птица в клетке, которую ты разводишь! Я могу прокормить себя сама, мне никогда не требовалась твоя забота и твое спасение! Я пошла в шоу-бизнес и изо всех сил трудилась сама именно для того, чтобы доказать тебе это!

Шэнь Цянь: «Нет-нет-нет! Сяо Е, ты полностью перепутала причинно-следственные связи! Ты смогла попасть в шоу-бизнес только потому, что он завалил тебя деньгами! Это не твои способности, а любовь твоего покровителя!»

— ...Какое ты имеешь право притворяться и твердить, будто забираешь прежние слова? Ха, не смей меня! Ты без конца твердил, что любишь меня, что будешь заботиться и защищать, но когда ты реально хоть раз меня защитил? Когда меня травмировали в старшей школе, ты хоть один раз появился?

Шэнь Цянь: «Точно, на месте травли тебя действительно спас Чжу Лин. Но когда Ли Вэйдун узнал, что эти гады осмелились обижать тебя, он же напрямую задействовал свои связи в совете директоров школы и вышвырнул их всех из учебного заведения! Чего еще ты от него хотела?»

— Я уже не говорю о том, что вся твоя семья презирала меня! Твой отец тыкал в меня пальцем, обзывал мелкой лисовкой, говорил, что я бедна, жадна до денег и бесстыдно соблазняет тебя! Что ты сделал для меня в тот момент?

Шэнь Цянь: «Да он же открыто пошел против своего отца! И орал на него, и столы переворачивал, и свой бизнес с нуля поднял, до сих пор, говорят, с ним не общается! Разве этого мало, чтобы считаться защитой?»

— Так что хватит корчить из себя святого и обманывать самого себя, Ли Вэйдун!

— Ты никогда меня не любил и никогда не поймешь, что такое любовь! Всё, что ты делал от начала и до конца, — это лишь пытался запереть игрушку, принадлежащую тебе!

— Так же, как твой отец в свое время хотел запереть твою мать! По своей сути ты точно такой же, как он! Больной на голову, склонный к насилию... Любой человек рядом с тобой обречен стать несчастным!

Это был далеко не первый раз, когда Е Инь говорила подобные слова.

<http://bllate.org/book/18382/1767786>